

УДК 82.01+398.2

Н. Б. ИВАНОВА¹

МИР И МИФ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА

Рассматриваются ключевые принципы художественного мира Фазилия Искандера. Писатель, не входя в прямое противостояние власти, неотступно, пользуясь возможностями комического и эзопова языка в эстетике, метафорически утверждает как в своей прозе, так и в стихах, главенство этических доминант в поведении и в самой жизни человека.

Ключевые слова: Фазиль Искандер, Чегем, шестидесятники, эзопов язык, этика, эстетика, комическое, сатира, метафора.

Фазиль Искандер — и экзотическое, и естественное явление русской словесности. Кавказ в русской литературе был изначально представлен русскими писателями как объект для изображения. С Искандером пришёл и заговорил сам Кавказ, и заговорил на русском языке. Известны замечательные прозаики и поэты Грузии, начиная с Николоза Бараташвили и заканчивая Чабуа Амирэджиби, Армении — напомним о Гранте Матевосяне, Азербайджана, Дагестана, Осетии, той же Абхазии... Но именно Фазиль Искандер в большую русскую литературу, в её основной, теперь уже можем сказать, классический корпус принёс Кавказ от своего лица на прекрасном русском языке. Кавказ стал субъектом русской словесности. Сегодня этот процесс продолжается, но назвать прямых учеников и непосредственных преемников Искандера, обрисовать карту с именами тех, что есть школа Искандера, мне кажется, сегодня трудно. У по-настоящему больших писателей, правда, школы и не бывает. Они приходят и уходят сами, создавая свой мир и свой миф.

У Искандера — свой мир, свой Мухус, свой Чегем. Он создал свой миф и свой мир. Этот мир отображён и на реальной, и на воображаемой литературной карте.

То, что в литературу пришёл очень крупный талант, я поняла ещё будучи школьницей, когда прочла опубликованную в журнале «Новый мир» (спасибо родителям, которые выписывали журнал и не прятали его от детей) повесть «Созвездие Козлотура». Уже там мир Фазилия Искандера предстал во всей его прелести, экзотичности и «прописанности» в жгучей современности. И его проблематика, и его реалии, и его эзопов язык были понятны — и неве-

---

¹ Наталья Борисовна Иванова — доктор филологических наук, первый заместитель главного редактора журнала «Знамя» (Москва, Российская Федерация); ivanova@znamlit.ru

роятно смешны. Но смех был особым, заставлявшим задуматься о грустных явлениях и самой атмосфере нашей жизни. В результате — после приступов смеха на лице повествователя застывала трагическая гримаса.

Немного автобиографии. Я жила в Москве, родители были журналисты, отец входил, как нынче говорят, в хрущёвский пул, в связи с чем весь наш журналистский дом на Ленинском в ночь на 16 октября 1964 года, перед снятием Хрущёва, сотрясаясь хлопанием дверей — не спали, делились информацией. Так что трагикомическую атмосферу «Козлотура» я воспринимала исторически. Но сам художественный мир покорила сразу — и дальше он был узнаваем на протяжении десятилетий.

В мир Искандера мы проникаем через его произведения (весь романский комплекс «Сандро из Чегема», циклы рассказов, включая «Детство Чика», «животные» рассказы и сказки, от «Большелобого» до саркастических «Кроликов и удавов») и его героев (Сандро, красавица Тали, Софичка, чегемская Кармен...). Его вселенная населена персонажами, которых мы знаем, они вошли в историю нашей литературы, мы можем переключаться именами или афоризмами, просто вечно живыми цитатами. «Время, в котором стоим» — ясно, что речь о застое. «Человек, который хотел хорошего, но не успел» — это Ильич. Они узнаваемы. Слова и изречения Искандера сопровождают нас по жизни.

Перед сложностями времени Фазиль постоянно обращался за поддержкой к имени и творчеству Пушкина (как и Александр Блок в своей предсмертной речи и стихах «Пушкинскому дому»).

Его интонация, сюжеты, персонажи, стиль неподражаемы и уникальны, потому и говорим так: мир Искандера.

Этот мир вроде бы совсем небольшой, даже маленький, можно перенести в двух руках. Умещается в несколько томов собрания сочинений; а изображено в нём и того меньше — сообразуясь с размерами СССР, этой Абхазии хватит хорошо если на почтовую марку. Но эта марка — фолкнеровского масштаба. Йокнопатофская марка.

Искандер пришёл в литературу одновременно и вместе с шестидесятниками. Владимир Войнович, Георгий Владимов, Василий Аксёнов — вот его компания. На известном полотне Бориса Биргера «Красные бокалы» он изображён рядом с Бенедиктом Сарновым, Игорем Виноградовым; Олег Чухонцев чуть поодаль. Не забудем Станислава Рассадина, давшего имя — шестидесятники! — всей шарашке. В этой компании он нашёл своё место, своих товарищей, своих коллег. Они вместе печатались («Неделя», «Юность», «Новый мир»). Но его творчество отличает странное равнодушие к компании! Свообразие пути — он испытал то, что Карякин намного позже назвал «переменной убеждений», вплоть до бесконечных, мучительных сомнений и выбора верований и ценностей. Напряжение нравственного выбора, порой отражавшееся на его лице мучительной гримасой, отличало его от тех, которые были всегда уверены в своей правоте. А он — нет, не всегда. Он был другой, больше, чем шестидесятник, он вышел из своего поколения, преодолел рамки своей малой родины, преодолел рамки России, потом Советского Союза, он выходил к тому, о чём я говорила в начале: к созданию своего исключительного, искандеровского мира. Жалею, что он не получил Нобелевскую премию — как художник, расширивший наш мир до его

художественной вселенной, заслуживал её присуждения. (Другое дело, что к концу жизни он спрямлял свой путь, уходил в прямую речь, начинал судить и выносить моральные приговоры, теряя артистизм, особенно в поэзии, — но сейчас не об этом.)

Искандер был принят читателем сразу и навсегда. Пафос Искандера ушёл в стихи, стихи представляют собой его открыто социальную и даже открыто политическую часть его наследия. Гражданственность его стихов несомненна. В отличие от прозы, которая позволяет смотреть на проблему с разных точек зрения. Стихи и эпиграммы его бичуют и жгут, а проза его — лечит.

Страна моя, в лавинах лжи
Твои зарыты поколенья.
Где крепость тайная, скажи,
Духовного сопротивленья?

(«Гегард»)

Эта страна, как огромный завод, где можно ишачить и красть.
Что производит этот завод? Он производит власть.
Власть производит, как ни крути — хочешь, воруй и пей!
Ибо растрение душ и есть — прибыль, сверхприбыль властей.

Просто листовка, а не стихи! Бичующий Ювенал! «Я генетически не совпадал с рефлексами этой страны», — скажет Искандер в тёмные времена. Но и в другое, новое время им опять завладевает дух гражданского неповиновения:

И не новый сановник,
И не старый конвой —
Капитал и чиновник
Тихо правят страной.

Без особых усилий,
Знать не зная греха,
На глазах у России
Жрут её потроха.

Никакого тиранства,
Не бунтует печать.
А про доблесть гражданства
Даже стыдно сказать.

(«Время»)

В мире Искандера прямая, обострённая гражданственность не противоречит особому, тоже обострённому чувству красоты. Идущему чуть ли не от античной культуры.

Кавказ Искандера — это не только Причерноморье и кавказские горы. Его Кавказ входит в бассейн Средиземноморья, связанный с античностью, с «золотым веком» человечества. При этом искандеровский мир допускает и современность — он включает в себя и революцию, и Гражданскую войну, в него входят и такие персонажи, как Ленин и Сталин, Хрущёв, колхозы.

Мир героев Искандера — это не только родственники всех, но и современники всех, как дядя Сандро. Искандеровский хронотоп расширяется — и для него нужны и античные колонны на морском дне около Мухуса-Сухума, и деревянные танки, которые покатались по мухусскому шоссе с началом гражданской войны.

Фазиль Искандер печатался и в известинской «Неделе», перед тем как появиться в компании авторов неподцензурного, сделанного скандальным «Метрополя». Но он никогда не появлялся на поле общественного конформизма. Однако при этом в качестве образца поведения он брал не героическую бескомпромиссность с возможно последующей высылкой из страны или с посадкой в поезд, идущий далеко на северо-восток, а лукавство дяди Сандро, который избегал исторических ловушек, — если вспомнить смертельно опасные игры со Сталиным. Одно из правил искандеровского художественного мира — эзопов язык. И на этом языке он сказал гораздо больше, чем если бы он тогда говорил прямолинейно. Это помогало ему преодолевать чудовищную дисгармоничность советского мира и безобразие социального строя. Но преодолевал он эти уродства путём гармонизации окружающего — в природе и в архаике народной жизни, которую он искал в своей родной Абхазии.

Несколько слов об уродстве и этике.

Приведу цитату — свидетельство повествователя из повести «Созвездие Козлотура».

«Гораздо позднее, когда увидел на репродукции козлоногих людей, кажется у Эль Греко, я подумал, что художник пытался передать человеческое бесстыдство через уродство козлоногих людей».

То есть для Искандера-художника уродство, как нарушение замысла природы, уравнивается с бесстыдством, отсутствием стыда. Удивительный союз красоты и гармонии через преодоление уродства свойственен поэтике Искандера. Социальное искажало естественные отношения между людьми, искажало язык, искажало реальность. И тут на помощь Искандеру пришёл смех, как один из способов гармонизации мира. Искандер соединил эзопов язык со смеховой культурой, которую воспринял и как культуру народную.

Условно говоря, если безобразие подвергается осмеянию, то воздействие безобразного снижается. Под смехом у Искандера я подразумеваю множество смеховых возможностей: и гротеск, включая политический, и сатиру, включая историческую, и народный анекдот. Это смех, возводящий к общечеловеческим понятиям добра и зла, жизни и смерти, свободы и рабства, истины и лжи. Смех не только гармонизирует, но и освобождает.

В этике Искандера важнейшую роль играет понятие благородства. «Я люблю деревья. Иногда мне кажется, что дерево — не только благородный замысел Природы, но и такой замысел, который призван намекнуть нам на желательную форму нашей души, то есть такую форму, которая, укореняясь в землю, сумела бы подниматься в небеса».

Он идёт путём метафоры, т. е. выводит понятие за его рамки. Дерево из явления природы становится нравственным примером построения души и одновременно аналогом построения романа «Сандро из Чегема», в котором одновременно рассказчик рассказывает рассказ за рассказом, и это продолжается очень долго, и у «дерева» романа Фазиля Искандера, как у реального

деревя, развиваются и корни, и крона. Вот такая постмодернистская ризома — ещё до всех разговоров о постмодернизме.

Природное преобразуется в нравственное — это один из законов эстетики Фазиля Искандера. Причём нравственное — не значит правильное, т. е. соответствие правилам поведения. Напомню бестиарий Фазиля Искандера — отдельное поле для исследования — это животные Искандера, от «Широколобого», «Кроликов и удавов». Этические законы он проверяет на примерах, на аллегориях, на метафорах из животного мира.

Что такое красота и гармония в творчестве Искандера? Это не то, что есть, а то, чего нет и что постоянно ищет писатель. «Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». Он всегда в поиске — с подключением всех особенностей поэтики, о которых я говорила. И этими поисками он менял не только нашу литературу, но и климат нашей страны, наш климат общественный.

© Н. Б. Иванова